
УДК 82.0(470.6)

ББК 82.3(235.7)

X 98

Хунагова Б. Д.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Адыгейского государственного университета, e-mail: bella_hunagova@mail.ru

**Фольклорное наследие народа
как первооснова северо-кавказских литератур
(Рецензирована)**

Аннотация:

Исследуются сложные взаимосвязи северо-кавказских литератур с народным фольклором, выявляются фольклорные мотивы и приемы, вошедшие в художественные поэтические произведения, определяется конкретный, имеющий свой прототип в реальной жизни образ народного поэта, который является основным создателем, хранителем и распространителем песен на Северном Кавказе, применительно к конкретному материалу.

Ключевые слова:

Фольклорные традиции, диалектика национального, эпическая поэма, северо-кавказские литературы, самобытность, национальное своеобразие, элементы фольклора, национальный образ, синтез традиций.

Khunagova B.D.

Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Philology Department, the Adyghe State University, e-mail: bella_hunagova@mail.ru

**Folklore heritage of the people as the basic principle
of the north caucasian literatures**

Abstract:

This research focuses upon complicated interrelations of the North Caucasian literatures and national folklore. The author identifies the folklore motives and the techniques which have entered into poetic works of art, as well as a concrete image of the national poet, having a prototype in real life, who is the basic founder, the keeper and the distributor of songs concerning this subject in the North Caucasus.

Keywords:

Folklore traditions, dialectics of the national, an epic poem, the North Caucasian literatures, originality, a national originality, folklore elements, a national image, synthesis of traditions.

Диалектика национального определяет тяготение современных поэтов к фольклору как к своей первооснове, как к извечным темам, которые, являясь своеобразным нравственным ориентиром, в трансформированном виде сохранились и живут в современной культуре. В отношении молодых северо-кавказских литера-

тур нельзя исключить их жанровую зависимость от фольклора. Синтез традиций, идентичная территориальная расположенность, родственность географического и социально-экономического становления в течение многих столетий, культурные и экономические взаимосвязи северокавказских народов определили единство значительной части мотивов и сюжетов произведений их устного народного творчества. З. Ш. Боташева в своей статье подчеркивает, что «культурный процесс появления интереса к устному народному творчеству в силу различий в экономическом и социально-политическом развитии национальных регионов у многих народов происходил не в одно историческое время» [1: 69], но в результате подобных связей происходил взаимообмен элементами фольклорного наследия, в том числе устно-эпическими мотивами и сюжетами. В жанровом и тематическом отношении фольклор народов, живших и по сей день живущих в сходных социально-экономических и географических условиях, при всей кажущейся несхожести их языков, культур и социального устройства, представляет собой не конгломерат, а единство. По справедливому замечанию В.И.Абаева, на Кавказе «тяготение к культурному единству превозмогло историческое многоязычие» [2: 89]. А вот мнение другого литературоведа, Р.Бикмухаметова: «Регион Северного Кавказа и Дагестана выделялся всегда, но по историческим, этнографическим и историко-литературным (младописьменным) мотивам. Лишь в 60-е годы стала отмечаться художественно-эстетическая близость, а подчас и родственность этих литератур» [3: 9].

В то же время типологическое родство фольклора народов Кавказа не исключает самобытности, национального своеобразия каждого из них. Исследование национально-особенных черт той или иной литературы имеет не только локальное значение – оно, главным образом, спо-

собствует определению реального многообразия многонациональной литературы при единстве идейно-тематического содержания. Это ощущается и в особенностях поэтики, и в непосредственно бытовых реалиях, деталях, и в языковой «окраске». В частности, по этому поводу профессор В.И.Чичеров в своей рецензии на сборник адыгских сказаний и сказок отмечал: «Народ в процессе своего развития должен был пройти те же ступени культуры, что и другие народы. Общность положения вызывала у разных народов сходные представления об одних и тех же явлениях. Свои представления каждый народ выражал в национальных образах, но суть этих образов в основном повсюду одинакова. Создавая сказки, народ черпает свои мотивы из сокровищницы своего прошлого, сочетает их с изображением настоящего. И в адыгейском фольклоре международные сказочные персонажи и мотивы так же оригинальны и самобытны, как произведения, которым не удастся подыскать параллели в фольклоре других народов» [4: 37]. И хотя в своем высказывании профессор В.И.Чичеров вел речь об адыгской этнической общности, думается, это высказывание можно отнести к фольклору любого из народов Северного Кавказа. По мнению кандидата филологических наук А.К. Матыжевой «началом нового этапа развития адыгейской литературы можно считать 60 - 70-е годы XX века, когда складывалась уникальная для адыгейской прозы лирическая манера Х. Ашинова, К. Жанэ. Высокая этическая норма искала художественной реализации в дальнейшем становлении традиционно реалистических, фольклорно-романтических и новых синтетических жанров прозы. Яркими представителями времени последовательно стали в 1960-1970-е гг. - А. Евтых с его гуманистической идеей и художественной выразительностью; в 1980-1990-е — Н. Кук, Р. Нехай, С. Панеш, Х. Теучеж, Ю. Чуяко, поэты и прозаики нового по-

колениа 90 – 2000 годов» [5: 38]. Но важно проследить элементы фольклора и в современной эпической поэме (точнее, в ее сюжете), не разграничивая творчество, например, балкарского и дагестанского авторов – К.Кулиева и Р.Гамзатова. По признанию подавляющего большинства исследователей, в значительном и многообразном сообществе народов Северного Кавказа и Дагестана Р.Гамзатову и К.Кулиеву принадлежит роль признанных мастеров художественного слова. Несомненно, их творчество способствовало росту тотального уровня общекавказской литературы, эти поэты и их произведения стали яркими образцами для представителей ее молодого поколения.

Так, Расула Гамзатова часто называют художником масштабной мысли и обширного мировидения, а его творчеству во второй половине XX века зачастую отводится международная значимость и присуждается высочайшая оценка. Как лаконично и в то же время эмоционально обозначает процесс вхождения Р.Гамзатова в письменную литературу адыгский исследователь К.Шаззо, «традиции в дагестанской лирике были всегда мощными – чего стоит хотя бы один Махмуд из Кохаб-Росо! Однако является Гамзат из Цада, и вновь лирика оживает, обретает новые крылья, свежие мысли. Вслед за своим отцом (и в подлинном и в переносном смысле) приходит Расул Гамзатов – посмотрите, какую революцию он совершил в дагестанской лирике! Да разве только в ней? При этом он не оторвался от главной «пуповины» – от традиций» [6: 70]. И именно в этой приверженности к национальным традициям искренне и образно признается сам поэт в своей собственной поэме «В горах мое сердце». Он преклоняется перед народным словом и восхищается им:

*По далеким аулам тоскую. Как чудо,
В каждом издавна создан особый фольклор,*

Старика Исбаги вспоминаю повсюду –

Наш цадинский шутник говорлив и остер [7: 328].

По этому поводу один из исследователей процессов северокавказского литературно-художественного творчества Хангери Баков пишет: «... популярность самого Расула Гамзатова во многом зиждется на том, что он как никто другой в литературе народов Дагестана сумел передать особенности аварского художественного менталитета. Через его лирику иноязычный читатель узнал поэтическую душу аварского народа, приблизился к ней, оценил ее по достоинству» [8: 146].

Современные северо-кавказские писатели и поэты – это крепкое национальное связующее звено между душой народа и его творчеством, потому что именно фольклор выполняет главную функцию: отобразить национальную историю предков. Именно поэтому основными создателями, хранителями и распространителями песен на Северном Кавказе всегда являлись народные певцы, причем каждый из народов их называл по-своему. Это были люди глубоко одаренные, обладавшие феноменальной памятью и подлинно художественным воображением. Многие из них знали языки соседних народов. Они странствовали по всему Кавказу, распространяя свои песни. В то же время эти творцы устного слова перенимали песни других народов, переносили их от одного народа к другому, переводили на свой язык. Сложно переоценить их роль в национальной и межнациональной коммуникации.

Вообще, образ народного певца можно считать едва ли не самым распространенным в ряду персонажей как фольклора, так и последовавшей затем горской поэмы. В народном эпосе и у рассматриваемых северокавказских авторов сказители предстают едва ли не центральными персонажами их произведений. Поэты наделяют народного певца многозначными функциями (классификация Ю.М.Тхагазитова [9: 152]). Во-первых, он воплощает память народа. Во-вторых, вдохновляет героев на борьбу, напоминая им о подвигах и сла-

ве героических предков. Кроме того, ему присуща роль совести народной. Он предстает мудрецом, вобравшим в себя все трагедии и скорби народа и его непреклонное героическое стремление к свободе.

К примеру, в произведениях Расула Гамзатова чаще всего встречаются персонажи вполне конкретные и исторически реальные – народные дагестанские певцы Махмуд и Абуталиб. На этот счет у современного исследователя Хангери Бакова приводятся следующие данные: «Расулу Гамзатову предшествовали такие яркие поэты, как Махмуд, Батырай, Ирчи Казак и другие. Дагестан всегда был тесно связан с Азербайджаном, Ираном и другими восточными странами, потому он испытывал влияние древней восточной поэзии. Ислам тоже проник на Кавказ через Дагестан, неся с собой попутно плоды арабской поэзии. Все это – объективные источники творчества Расула Гамзатова» [9: 154]. Так, вступление поэмы «Горянка» практически целиком посвящено национальному поэту Махмуду, которого Расул Гамзатов вполне искренне считает своим великим учителем: «...И я, получивший в наследство стихи, что живут до сих пор» [7: 338]. И далее, на протяжении развития сюжетной линии всей поэмы, образ Махмуда время от времени возникает на страницах поэмы, а он сам включается в ход повествования, прослеживается думы героев или дает им советы.

Или другой дагестанский народный певец, Абуталиб, описывая портрет которого в той же поэме («Горянка»), Расул Гамзатов не может удержаться от того, чтобы в очередной раз не восхититься этим общенациональным талантом:

*Вчерашний лудильщик, он скуки
И часа не знал одного,
С набухшими жилами руки
Лежат на коленях его [7: 408].*

В поэме Кайсына Кулиева «Золотая свирель» также имеет место конкретный, имеющий свой прототип в реальной жизни образ народного поэта, перед которым наш современник откровенно благоговевает. Им стал поэт-сказитель, творчество которого относится в современных исследованиях к периоду, хотя уже и письменной, но все-таки дореволюционной балкарской литературы, – балкарский поэт Кязим Мечиев. Именно его считает своим учителем Кайсын Кулиев, именно его советы сопровождают автора в течение всего повествования, именно его живой голос слышится поэту-последователю, голос, наставляющий его:

*Как бы ни был труден твой путь,
Всегда оставайся собою.
Поэт, ты посредником будь
Меж правдой людской и враждою* [10: 299].

Вообще, и Кайсын Кулиев, и Расул Гамзатов в своем творчестве немало внимания уделяют теме творческого становления создающей личности. Своеобразным «кодексом чести» поэта можно считать и, как уже отмечалось, поэму «Разговор с отцом» Расула Гамзатова, и поэму «Золотая свирель» Кайсына Кулиева, – произведения, в которых их авторы приводят и каждый по-своему раскрывают некий свод духовно-нравственных правил и морально-этических принципов. Именно этими установками и должен руководствоваться человек, причисляющий себя к высокому рангу творца художественного слова.

Примечание:

1. Боташева З.Ш. Родство фольклора и литератур Северного Кавказа // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение Майкоп, 2008. Вып. 1. С. 69-74.
2. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. 179 с.

-
3. Бикмухаметов Р. Роман и литературный процесс // Вопросы литературы. М., 1971. С. 4-16.
 4. Чичеров В.И. Адыгейские сказания и сказки // Литературное обозрение. М., 1936. С. 37-43.
 5. Матыжева А.К. Духовно-нравственное содержание «малой» прозы на современную тему в адыгейской литературе 1980-2000-х годов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2010. Вып. 3. С. 38-44.
 6. Шаззо К.Г. Ступени. Исхак Машбаш: жизнь и творчество. Майкоп, 1991. 240 с.
 7. Гамзатов Р. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1980. 275 с.
 8. Баков Х.И. Национальное своеобразие и творческая индивидуальность в адыгской поэзии. Майкоп, 1994. 254 с.
 9. Тхагазитов Ю.М. Эволюция художественного сознания адыгов. Нальчик, 1996. 214 с.
 10. Кулиев К. Собрание сочинений: в 3 т. М., 1987.

References:

1. Botasheva Z.Sh. The affinity of folklore and literatures of the North Caucasus // Bulletin of the Adyghe State University. Maikop, 2008. Issue 1. P. 69-74.
2. Abaev V.I. The Ossetian language and folklore. M.; L., 1949. 179 pp.
3. Bikumukhametov R. A novel and literary process // Literature Questions. M., 1971. P. 4-16.
4. Chicherov V.I. The Adyghe legends and fairy tales // Literary review. M., 1936. P. 37-43.
5. Matyzheva A.K. The spiritual and moral content of modern theme short prose in the Adyghe literature of 1980-2000 // Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». 2010. Issue 3. P. 38-43.
6. Shazzo K.G. Steps. Iskhak Mashbash: life and creativity. Maikop, 1991. 240 pp.
7. Gamzatov R. Collected works: in 5 vol. M., 1980. 275 pp.
8. Bakov Kh.I. National peculiarity and creative individuality in the Adyghe poetry. Maikop, 1994. 254 pp.
9. Tkhaqazhitov Yu.M. The evolution of the Adyghes' artistic consciousness. Nalchik, 1996. 214 pp.
10. Kuliev K. Collected works: in 3 vol. M., 1987.